

Светлана САЗОНОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ УКРАИНЦЕВ НА ТЕРРИТОРИЮ КАВКАЗСКОГО ЛИНЕЙНОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА (конец XVIII – первая половина XIX в.)

Данная статья посвящена проблеме колонизации выходцами из малороссийских губерний территорий, занятых Кавказским линейным казачьим войском в конце XVIII – первой половине XIX в.

This article is dedicated to the problem of colonization of the territories occupied by the Caucasus Cossack's line troops by Ukrainian residents at the end of XVIII and at the beginning of the first half of XIX century.

Ключевые слова:

переселение украинцев на территорию Кавказского линейного казачьего войска, колонизация Северного Кавказа; Ukrainian migration to the territory of the Caucasus Cossack's line troops, colonization of the Northern Caucasus.

Постепенное расширение границ Российской империи в XVIII–XIX вв. и включение в её состав территории Северного Кавказа сопровождалось проведением по инициативе государства активной военной и гражданской колонизации, повлекшей за собой перемещение сюда многочисленных выходцев из центральных и южных районов России и Украины. Происходящие изменения, а также возникающие проблемы поставили российское правительство перед необходимостью выработки прочной правовой базы переселенческой политики, что нашло своё воплощение в различных актах и указах, а также в распоряжениях войсковой администрации Кавказского линейного казачьего войска.

В современной России с начала 90-х гг. XX в. также наблюдаются мощные миграционные потоки, однако вектор их движения направлен в диаметрально противоположном направлении, а сами мигранты не защищены в правовом отношении. В связи с этим актуальным становится обращение к прошлому законодательному опыту с целью создания благоприятных условий и выработки основных положений миграционной политики в государстве.

В конце XVIII в. началось заселение пустующих земель северо-западного района Кубани Черноморским казачьим войском. Одновременно с этим происходило освоение северо-восточной территории Кавказа, так называемой Кавказской области, в состав которой вошли шесть уездов: Екатериноградский, Кизлярский, Моздокский, Александровский, Георгиевский и Ставропольский. Областным центром стал город Екатериноград.

Длительное время в регионе сохранялась небольшая плотность населения и наблюдалась неравномерность его распределения. Для решения сложившейся проблемы и усиления охраны границ правительство и войсковая администрация, начиная с конца XVIII – первой половины XIX в., традиционно прибегали к испытанному средству – колонизации.

В отечественной историографии довольно подробно рассматривается история переселенческого движения на окраины Российской империи. В частности, освоение территории, занятой Линейным казачьим войском, обстоятельно изучено в работах И.В. Бенковского, И. Дебу, В.П. Громова, Л.Б. Заседателевой, А.В. Фадеева, С.А. Чекменёва, П.А. Шацкого, Н.Н. Великой, Ю.Ю. Клычникова, М.Ф. Куракеевой, И.Х. Тхамоковой и др.

САЗОНОВА
Светлана
Евгеньевна –
аспирант АГПУ,
учитель истории
МОУ СОШ № 15 г.
Армавира
Краснодарского края

Однако многие авторы, на наш взгляд, недостаточно внимания уделяли изучению законодательной базы переселенческой политики государства, а также выявлению этнического состава мигрантов. В связи с этим в данной статье мы ставим цель, опираясь на правовые акты и архивные материалы (некоторые из них впервые вводятся в научный оборот), раскрыть роль государства в процессе колонизации территорий, занятых Кавказским линейным казачьим войском, выходцами из малороссийских губерний в конце XVIII — первой половине XIX в.

В рассматриваемый период миграция осуществлялась в двух основных формах: правительственной и народной. Правительственную колонизацию В.П. Громов характеризует как переселение, осуществляемое по приказу или при согласии и материальной поддержке правительства, кавказской администрации и одобрении властей тех губерний, откуда осуществлялась миграция¹. Успех её, как считают многие отечественные исследователи, во многом заключался в «исключительных условиях, привлекавших исключительных людей, привыкших, с одной стороны, к беспоконной жизни..., а с другой, не особенно дорожащих оседлостью и обладающих подвижностью в перенесении своих поселений»². К такой категории людей относились, конечно же, казаки — донцы и запорожцы, потомки реестровых казаков, сохранившие воинственный дух предков, а также государственные крестьяне, охотно переселявшиеся в разное время на богатые кавказские земли, и незначительное число крепостных, направляемых своими владельцами на подаренные правительством земли.

Кроме этого, следует подчеркнуть, что при организации переселения власти внимательно относились к сословной и этнической принадлежности колонистов. Об этом свидетельствует тот факт, что основной поток переселенцев из малороссийских губерний направлялся именно в Черноморию, а на территорию Кавказского линейного казачьего войска попадала лишь небольшая часть украинцев. По имею-

щимся статистическим материалам почти 90% всех прибывавших в это время в Кавказскую губернию колонистов составляли переселенцы из центральных земледельческих районов России: Курской, Воронежской, Тамбовской, Орловской губерний и др. И только около 10% — из Харьковской, Полтавской, Черниговской и Киевской.

Однако следует обратить внимание, что не всегда выходцы из так называемых великорусских губерний должны рассматриваться исключительно как представители русского этноса. Например, в Воронежской и Курской губерниях существовало значительное число украинских поселений, располагавшихся сплошным этническим массивом или дисперсно в южных уездах, граничивших с Харьковской губернией. По данным V ревизии (1795 г.), в Воронежской губернии проживало 37,7% украинцев, а в Курской — 26,7%³. А так как отсюда в конце XVIII в. шёл основной поток колонистов на Северный Кавказ, то общая численность украинцев на новых местах жительства, очевидно, оказывалась намного выше.

Процесс переселения украинцев на территорию Кавказской области осуществлялся в несколько этапов, каждый из которых имел законодательную базу.

Первый этап (80–90 гг. XVIII в. — 1812 г.) характеризовался интенсивной военной колонизацией северо-восточной территории Северного Кавказа, переселением донских, хопёрских, волжских и бывших екатеринославских казаков. Вместе с ними по указу Сената от 18 декабря 1784 г. разрешалось принимать не только государственных и экономических крестьян, но и однодворцев из Полтавской, Харьковской, Черниговской, Воронежской, Курской, Тамбовской и др. губерний⁴. По прибытии большинство из них селились в казачьих станицах, поступая в служилое сословие, или занимались «трудом по вольному найму, арендой и обработкой земли, торговлей, различными ремёслами и другими подсобными работами»⁵.

В 1806 г. администрация Кавказской губернии учредила в городе Ставрополе специальную контору для приёма и водворе-

¹ Громов В.П. Соотношение народной и правительственной колонизации Предкавказья в последней четверти XVIII — первой половине XIX века // Известия Северо-Кавказского научного центра Высшей школы. Общественные науки, 1983, № 3, стр. 34.

² Максимов Е.Д. Терское казачье войско. Историко-статистический очерк. — Владикавказ, 1890, стр. 50.

³ Брук С.И., Кабузан В.М. Численность и расселение украинского этноса в XVIII — начале XX в. // Советская этнография, 1981, № 5, стр. 29.

⁴ ПСЗ-1. Т. XXII. №. 16401.

⁵ Омельченко И.Л. Терское казачество. — Владикавказ: Ир, 1991, стр. 116.

ния приходящих сюда переселенцев¹. Но, несмотря на принятые меры, местные власти не имели полных сведений ни о количестве прибывших, ни о размере занятой ими земельной площади. Отсутствие информации и неумелые действия конторы привели к перенаселению отдельных станиц и неравномерному распределению населения по линии, что, безусловно, снижало её обороноспособность и создавало социальную напряжённость в отдельных станицах. В связи с этим Правительствующий сенат 17 июня 1812 г. издал особое постановление, временно запрещавшее посылать колонистов и принимать их в Кавказской области.

Второй этап (22 марта 1824 г. — 1833 г.) начинается после серьёзной подготовительной работы. Была проведена ревизия земельного фонда и определены места для расселения будущих колонистов. Начало второму этапу положил указ Александра I от 22 марта 1824 г., согласно которому возобновлялось переселение государственных крестьян из российских и украинских губерний. В отличие от первого этапа, были разработаны специальные правила «О переселении казённых крестьян и наделении их землёй»². Теперь в Кавказскую губернию направлялись только малоземельные крестьяне, чей душевой надел был менее 5 десятин земли (включая и леса, которые могут быть обращены в расчётку).

В связи с обострением обстановки на Северном Кавказе во второй четверти XIX в. и привлечением большего числа мигрантов правительство рядом новых указов значительно упрощало процедуру переселения из малороссийских губерний на территорию, занимаемую Кавказским линейным казачьим войском. Так, на основании Положения Правительствующего сената от 19 мая 1831 г. и 30 сентября 1832 г. разрешалось переселяться из Полтавской и Черниговской губерний казакам, однодворцам и казённым поселянам с их семействами для поступления в казачье сословие «без предоставления на сие увольнительных от мирских обществ свидетельств... по одним только плакатным паспортам»³. По распоряжению Комитета Министров от 31 января 1833 г. при Хозяйственном отделении Кавказской ка-

зённой палаты для контроля и организации приёма и водворения переселенцев назначались два чиновника особых поручений с жалованием каждому по 1 000 руб. в год⁴.

Благодаря предпринятым мерам, линейные полки получили ощутимое пополнение. В период с 1820 по 1825 г. в Кавказскую область прибыло 10 762 чел., с 1826 по 1830 г. — 40 867, а с 1831 по 1833 г. — 54 136; всего 105 765 государственных крестьян. Из их числа 30 249 чел. являлись выходцами из Курской губернии, 13 971 — из Слободской Украины, 13 971 — из Воронежской, 3 640 — из Орловской губерний и т. д.⁵

Следует отметить, что прибывавшие на Кавказ в разное время новосёлы из внутренних губерний России и Украины были бедны и не имели «даже по паре волов или лошадей». К тому же за время перехода большинство из них «совершенно лишились собственных средств... постигшими их болезнями, падежом скота и другими невзгодами»⁶. Власти вынуждены были выдавать провиант из станичных запасных магазинов. Но эти денежные пособия не могли компенсировать всех убытков.

Тем не менее, несмотря на чётко установленные правила, нередко отправка с прежних мест жительства проводилась без всякого предварительного согласования с губернскими властями. Официальные лица признавали отсутствие должного надзора и попечения о переселенцах в пути следования и на местах. Такая стихийность и неорганизованность в вопросах перевода колонистов в Кавказскую губернию отличала переселенческую политику в этом регионе, а иногда и мешала своевременно пресекать попытки проникновения в состав линейных казаков беглых элементов.

По данным генерала Вельяминова, в 1832 г. число беглых в войске превышало 10 тыс. чел.⁷ Следует отметить, что многие из них, добравшись до «заветных» мест, были сильно разочарованы трудностями жизни, полувоенной обстановкой, постоянными розысками, устраиваемыми властями. Так, за поимку каждого беглого, бродяги или

⁴ ПСЗ-2. Т. VIII. № 5951.

⁵ Фадеев А.В. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. — М.: АН СССР, 1957, стр. 52–53.

⁶ РГВИА, ф. 13454, оп. 5, д. 782, ч. 4, л. 227(об).

⁷ Шамрай В. Историческая справка об иногородних в Кубанской области по документам, извлечённым из дел Кубанского войскового Архива // Кубанский сборник, т. VII, 1901, стр. 87–88.

¹ ПСЗ-1. Т. XXIX. №. 22367.

² ПСЗ-1. Т. XXXIX. № 29848.

³ ПСЗ-2. Т. VI. № 4579; ПСЗ-2. Т. VII. № 5630.

беспаспортного нижним чином регулярных войск корпуса жандармов и казачьих войск по распоряжению правительства полагаемая награда в размере 10 руб. ассигнованиями из суммы штрафа, уплачиваемого «пристанодержателем»¹. В случае если последний не в состоянии был заплатить штраф, разрешалось подвергать его тюремному заключению на три месяца². Пойманных беглых крестьян войсковая администрация должна была вернуть прежним владельцам. Однако на деле местные власти вместо этого часто выдавали помещикам рекрутские квитанции³.

22 марта 1828 г. вышел указ Государственного совета, согласно которому бродяг не старше 35 лет разрешалось отсылать на Кавказскую линию в работники к казакам. По истечении трёх лет, если они вели себя «одобрительно», то им разрешалось причислиться к казачьему сословию. По сведениям Е.Д. Фелицина, таких людей оказалось 317 чел. мужского пола⁴. Эта мера признавалась властями «полезною как для казаков, так и к вящему прекращению бродяжничества»⁵.

Но спустя несколько лет, указом от 14 февраля 1833 г. приём бродяг в Кавказское линейное казачье войско был прекращён, а всех задержанных без документов, способных к военной службе, приказывалось немедленно отдавать в рекруты или отсылать в военно-рабочие и арестантские роты⁶. В этом же году, согласно повелению императора Николая I, на Северном Кавказе были сформированы три таких роты: в Геленджике, Ставрополе и при Кавказских Минеральных Водах⁷.

В целом, несмотря на предпринимаемые правительством жёсткие меры, поток беглецов в Кавказское казачье войско и укрупнение их казаками продолжались дальше.

1833–1834 гг. для Кавказского края выдались очень тяжёлыми. Повсеместная засуха и неурожай фактически поставили крестьян перед фактом зятого голода. В 1834 г. правительство, идя на уступки, предложило всем терпящим бедствие до из-

менения ситуации возвратиться на прежние места своего жительства в Курскую, Воронежскую, Орловскую, Слободско-Украинскую, Тульскую, Тамбовскую и Полтавскую губернии. Этим разрешением воспользовались 6 340 семейств в составе 20 949 мужчин и 17 338 женщин.

После окончания бедствий на Кавказской линии развернулся третий этап переселений (1833–40-е гг. XIX в.), достигший своего апогея в 1836 г. Он характеризовался переносом кордонных линий в район рек Белой, Лабы, Урупа, Зеленчука, Сунжи и др., а также началом освоения территории Закубанья, с привлечением сюда большого числа переселенцев из малороссийских губерний.

Но, несмотря на предпринимаемые меры, население на Кавказской линии длительное время оставалось малочисленным, смертность значительно превышала рождаемость. В связи с этим правительство приступает к организации четвёртого этапа переселений (1847–1849 гг.).

В январе 1847 г. Николай I утвердил предложение военного министра о массовом переселении казаков и крестьян из Харьковской, Черниговской, Воронежской губерний на Кавказскую линию. Следует отметить, что в это же время намечалось пополнение Черноморского казачьего войска, но оно было отложено на год, так как признавалось, что «Кавказское линейное войско несравненно более нуждается в народонаселении»⁸.

В результате на Кавказскую линию в рассматриваемый период прибыло 18 321 чел., или более 6 000 семейств⁹. Часть из них направлялась в уже обустроенные станицы на Старой линии, остальные в 1–6-е бригады линейного войска, а также на слабо заселённые территории Горского, Владикавказского, Гребенского и Кизлярского полков. На местах, согласно распоряжению правительства, им предоставлялись льготы от внешней службы и подъёмное пособие. Так, к примеру, офицерским семьям выдавалось по 285 руб. 71 коп., семействам казаков по 81 руб. 42 коп.,

¹ ПСЗ-2. Т. VIII. № 6021; № 6437.

² Там же, № 6486.

³ ПСЗ-1. Т. XXIV. № 17623.

⁴ Фелицин Е.Д. Материалы для истории Кубанского войска. — Екатеринодар, 1897, стр. 72.

⁵ ПСЗ-1. Т. XXII. № 16715; Т. XXIII, № 16743; Т. XXVI, № 19979.

⁶ ПСЗ-2. Т. VIII. № 5978.

⁷ Там же, № 5972.

⁸ Чекменев С.А. Социально-экономическое развитие Ставрополя и Кубани в конце XVIII в. и в первой половине XIX в. — Пятигорск, 1967, стр. 28.

⁹ РГВИА, ф. 13454, оп. 5, д. 782, ч. 1, л. 2.

нижним чинам регулярных войск по 122 руб. 14 коп.¹

Но процесс колонизации территории не был завершён. Напротив, он продолжился, и притом не менее высокими темпами, открыв пятый этап заселения территории Кавказского линейного казачьего войска в 1851–1858 гг. В это время сюда прибыло 5 796 душ мужского пола, причём большей частью — выходцы с Украины².

Таким образом, вследствие проводимой властями переселенческой политики, осуществляемой в несколько этапов, численность населения Кавказского линейного казачьего войска неуклонно возрастала. К примеру, за вторую четверть XIX в. она увеличилось с 48 518 до 257 469 чел., то есть бо-

лее чем в пять раз, а количество казачьих полков с 1837 по 1844 г. — с 9 до 17³.

Кроме этого, следует подчеркнуть, что власти очень внимательно относились к словной и этнической принадлежности переселенцев, учитывая тот факт, что адаптационные процессы в среде мигрантов с Украины, селившихся на Кавказской линии, проходили намного сложнее, чем у таких же мигрантов в Черномории, так как здесь они попадали в иную этническую среду, где преобладающее место занимал русский компонент, отличающийся от них самосознанием, образом жизни, традиционно-бытовой культурой. Все эти факторы накладывали существенный отпечаток на процесс этнокультурной интеграции народов Кавказа и на политику государства, осуществляемую в данном регионе в рассматриваемое время.

¹ ЦГА РСО-Алания, ф. 13, оп. 1, д. 167, л. 10, 67.

² Кабузан В.М. Население Северного Кавказа в XIX — XX вв. Этностатистическое исследование. — СПб, 1996, стр. 79.

³ Чекменёв С.А. Указ. соч., стр. 54.